

Есть доброе начало, сотворившее порядок,
свет и мужчину, и злое начало, сотворившее
хаос, мрак и женщину.

Пифагор

Все, что написано мужчинами о женщинах,
должно быть поставлено под сомнение, ибо
мужчина — одновременно и судья, и сторона
в процессе.

Пулен де ля Барр

ВВЕДЕНИЕ

Я долго колебалась, прежде чем написать книгу о женщине. Тема эта вызывает раздражение, особенно у женщин; и она не нова. В споре о феминизме пролито немало чернил, сейчас он уже почти прекратился — ну и довольно об этом говорить. Между тем разговоры идут до сих пор. И непохоже, чтобы многотомные глупости, выпущенные в свет за последнее столетие, сколько-нибудь прояснили проблему. Впрочем, есть ли вообще проблема? И в чем она заключается? А сами женщины есть? Конечно, у теории вечной женственности по-прежнему есть приверженцы, они шепчут: «Даже в России *они* все равно остаются женщинами»; но другие — а порой те же самые — весьма сведущие люди вздыхают: «Женщина теряет себя, женщины больше нет». Никто уже толком не знает, существуют ли еще женщины, будут ли они существовать всегда, надо к этому стремиться или нет, какое место они занимают в этом мире и какое должны были бы занимать. «Где женщины?» — вопрошал недавно один нерегулярный иллюстрированный журнал¹. Но прежде всего: что такое женщина? «*Tota mulier in utero*: это матка», — говорит один. Между тем про иных женщин знатоки заявляют: «Это не женщины», хотя у тех, как и у всех остальных, есть матка. Все согласны, что в роде человеческом есть

---

¹ Он назывался «Франшиз»; сейчас он умер.

самки; что сегодня, равно как и в прошлом, они составляют примерно половину человечества; и все-таки нам говорят, что «женственность в опасности»; нас заклинают: «Будьте женщинами, оставайтесь женщинами, становитесь женщинами». Значит, не всякое человеческое существо женского пола — обязательно женщина; оно должно быть причастно к таинственной, угрожающе хрупкой реальности — женственности. Может, ее выделяют яичники? Или она закреплена где-то на платоновском небосводе? Довольно ли юбки с оборками, чтобы спустить ее на землю? Никакого ее образца не существует, хотя многие женщины изо всех сил стараются стать ее воплощением. Ее обычно описывают в соблазнительно-расплывчатых выражениях, словно заимствованных из словаря ясновидящих. Во времена святого Фомы Аквинского она виделась столь же четко очерченной сущностью, как снотворное действие мака. Но концептуализм утратил свои позиции: биологические и общественные науки больше не верят в извечные, неизменные сущности, обуславливающие те или иные характеры, будь то характер женщины, еврея или негра; они рассматривают характер как вторичную реакцию на определенную *ситуацию*. Сегодня женственности нет потому, что ее не было никогда. Значит ли это, что слово «женщина» лишено всякого содержания? Эту мысль усиленно отстаивают сторонники философии Просвещения, рационализма, номинализма; для них женщины — просто человеческие существа, которых произвольно обозначают словом «женщины»; в частности, многие американки полагают, что женщины как таковой больше не существует; если какая-нибудь отсталая особа все еще считает себя женщиной, подруги советуют ей сходить к психоаналитику, чтобы избавиться от этой навязчивой идеи. Дороти Паркер писала в связи с одной книгой, довольно, впрочем, вызывающей, под

названием «Modern Woman: a lost sex»¹: «Я не могу непредвзято судить о книгах, в которых женщина рассматривается именно как женщина... Я убеждена, что всех нас, кем бы мы ни были, и мужчин и женщин, нужно считать просто людьми...» Однако номинализм — учение довольно ограниченное, и антифеминистам ничто не мешает доказывать, что женщины *не являются* мужчинами. Несомненно, женщина, как и мужчина, — человек, но это абстрактное утверждение; факт тот, что любой конкретный человек всегда занимает свое особое место. Отказаться от понятий вечной женственности, негритянской души, еврейского характера не значит отрицать, что на сегодняшний день существуют евреи, негры и женщины: для заинтересованных лиц это отрицание будет не освобождением, а уходом от существа дела. Ясно, что ни одна женщина не может, не кривя душой, утверждать, будто вырвалась за пределы своего пола. Несколько лет назад одна известная писательница не позволила поместить свой портрет среди фотографий женщин-литераторов: ей хотелось числиться в одном ряду с мужчинами, но, чтобы добиться этой привилегии, она использовала влияние мужа. Женщины, утверждающие, что они мужчины, все равно требуют от мужчин обходительности и почтения. Мне вспоминается одна молоденькая троцкистка, которая, стоя на трибуне в центре бурного митинга, замахнулась на кого-то кулаком, несмотря на весьма хрупкое телосложение; она отрицала свою женскую слабость, но отрицала из любви к одному активисту, с которым хотела быть на равных. Судорожные усилия американок вести себя вызывающе доказывают, что им не дает покоя чувство собственной женственности. В самом деле, достаточно пройтись по улице с открытыми глазами, чтобы убедиться: человечество делится

---

¹ «Современная женщина: утраченный пол» (англ.).

на две категории индивидов, явно отличающихся друг от друга одеждой, лицом, телом, улыбкой, походкой, интересами, занятиями; быть может, эти различия поверхностны, быть может, им суждено исчезнуть. Бесспорно одно: на данный момент они со всей очевидностью существуют.

Если для определения женщины недостаточно ее функции самки, если определять ее через понятие «вечной женственности» мы тоже отказываемся и если мы при этом признаем, что на земле, хотя бы временно, существуют женщины, то перед нами неизбежно встает вопрос: что же такое женщина?

Сама постановка вопроса немедленно подсказывает мне первый ответ. Значимо уже то, что я им задаю. Мужчине никогда не пришло бы в голову писать книгу об особом положении людей мужского пола в человечестве¹. Чтобы дать определение самой себе, мне прежде всего нужно заявить: «Я — женщина»; эта истина — фундамент, на котором будет основано любое другое утверждение. Мужчина никогда не начнет описывать себя с принадлежности к определенному полу: то, что он мужчина, разумеется само собой. Рубрики «мужской» — «женский» выглядят симметричными лишь с формальной точки зрения, в записях актов гражданского состояния и в удостоверениях личности. Два пола соотносятся не так, как два электрических заряда или полюса: мужчина воплощает в себе как положительное, так и нейтральное начало, вплоть до того, что по-французски «*les hommes*» значит одновременно и «мужчины», и «люди»: частное значение латинского слова «*vir*» слилось с общим значением слова «*homo*». Женщина предстает отрицательным началом, причем лю-

---

¹ Отчет Кинси, например, ограничивается определением сексуальных характеристик мужчины-американца, а это совсем другое дело.

бое свойство вменяется ей как ограничение, без обоядности. Я иногда раздражалась, если мужчины в ходе отвлеченной дискуссии мне говорили: «Вы так считаете, потому что вы женщина», но я знала, что в свою защиту могу сказать только: «Я так считаю, потому что это правда», стирая тем самым собственную субъектность. О том, чтобы возразить: «А вы считаете иначе, потому что вы мужчина», не могло быть и речи, ведь подразумевается, что быть мужчиной — это не особенность; мужчина, будучи мужчиной, всегда в своем праве, а женщина не права. Подобно тому как у древних существовала абсолютная вертикаль, по отношению к которой определялась наклонная, существует абсолютный человеческий тип — тип мужской. У женщины есть яичники и матка: таковы особые условия, которые замыкают ее в ее субъектности; как говорится, она думает своими железами. Мужчина горделиво забывает, что в его анатомии тоже есть гормоны, тестикулы. Он воспринимает собственное тело как непосредственную, нормальную связь с миром, полагает, что постигает мир в его объективности, тогда как все особенности женского тела представляются ему бременем — препятствием, тюрьмой. «Самка является самкой в силу *отсутствия* определенных качеств, — писал Аристотель. — Характер женщины мы должны рассматривать как страдающий от природного изъяна». А святой Фома Аквинский вслед за ним утверждает, что женщина — это «неудавшийся мужчина», существо «случайное». Именно это символизирует история из Книги Бытия, где Ева предстает сделанной, по выражению Боссюэ, из «лишней кости» Адама. Человечество мужского рода, и мужчина определяет женщину не как таковую, а в соотношении с собой; ее не рассматривают как автономное существо. «Женщина существо относительное...» — пишет Мишле. А г-н Бенда в «Докладе Уриэля» утверждает: «Тело мужчины имеет смысл в самом себе,

помимо тела женщины, тогда как последнее, судя по всему, вне связи с мужчиной смысла лишено... Мужчина осмысляет себя без женщины. Она не мыслит себя без мужчины». Она — лишь то, чем назначит ее мужчина; женщин, например, называют «le sexe», просто «пол», имея в виду, что мужчины видят в них прежде всего существа с половыми признаками: они являются полом для него, а значит, являются им абсолютно. Женщина определяет себя и свою особость относительно мужчины, а не мужчина относительно женщины; она — несущностное в сравнении с сущностным. Он — Субъект, он — Абсолют; она — Другой¹.

Категория *Другого* изначально, как само сознание. В самых примитивных обществах, в самых древних мифологиях всегда присутствует раздвоение на Того же и Другого; вначале это разделение не было связано с разделением полов, оно не зависит ни от каких эмпи-

---

¹ Наиболее эксплицитно эта идея была выражена Э. Левинасом в его эссе «Время и Другой». Вот что он пишет: «Нет ли ситуации, в которой другое существо несло бы свою дружность как нечто положительное, как сущность? Какова дружность, не являющаяся членом обычного противопоставления двух видов одного и того же рода? По-моему, противоположное, которое противоположно абсолютно, противоположность чего остается совершенно не затронутой устанавливающимися, возможно, отношениями между ним и соотносимым членом пары, то есть противоположность, оставляющая встреченного тобою совершенно другим, — есть женское. Пол — это не какое-то видовое различие... Различие полов не есть и противоречие... Различие полов не есть и парность взаимодополнительного, ибо взаимодополнительное предполагает предсуществующее целое... Дружность завершается в женском. Это термин того же ранга, что и сознание, но противоположного смысла» (перевод А. В. Парибка. — *Прим. ред.*).

Я полагаю, г-н Левинас не забыл, что женщина — тоже сознание для себя. Но поразительно, как он намеренно принимает мужскую точку зрения, не упоминая об обоюдных отношениях субъекта и объекта. Когда он пишет, что женщина есть тайна, он подразумевает, что она — тайна для мужчины. Выходит, что это якобы объективное описание на самом деле утверждает мужское преимущество.

рических данных: такой вывод следует, среди прочих, из трудов Гране о китайской философии, работ Дюмезиля об Индии и Риме. Первоначально пары Варуна—Митра, Уран—Зевс, Солнце—Луна, День—Ночь не предполагают никакой женской стихии, равно как и оппозиция Добра и Зла, благотворных и пагубных начал, правого и левого, Бога и Люцифера; инаковость — одна из базовых категорий человеческого мышления. Ни одна человеческая общность не определяет себя как Одно, не противопоставив себе сразу же Другого. Достаточно трем случайным пассажирам сойтись в одном купе, чтобы все прочие пассажиры стали более или менее враждебными «другими». Для сельского жителя все, кто не из его деревни, — подозрительные «другие»; для уроженца той или иной страны обитатели остальных стран выглядят «чужаками»; евреи — «другие» для антисемита, негры — для американцев-расистов, туземцы — для колонистов, пролетарии — для имущих классов. В конце своего глубокого исследования о различных обозначениях в первобытных обществах Леви-Стросс делает вывод: «Переход от Природного состояния к состоянию Культурному определяется способностью человека осмысливать биологические связи в виде систем оппозиций; дуализм, чередование, противопоставление и симметрия, проявляющиеся либо в четко очерченных, либо в расплывчатых формах, суть не столько явления, нуждающиеся в объяснении, сколько основополагающие, непосредственно данные факты социальной реальности»¹. Эти явления были бы непонятны, если бы человеческая реальность сводилась исключительно к «со-бытию», *mitsein*, основанному на солидарности и дружбе. Напротив,

---

¹ См.: Леви-Стросс К. Элементарные структуры родства.

Благодарю К. Леви-Стросса за то, что он любезно предоставил мне корректуру своей диссертации, на которую я, среди прочего, активно опиралась во второй части.

они проясняются, если мы, вслед за Гегелем, обнаружим в основе самого сознания враждебность по отношению к любому иному сознанию; субъект полагает себя только через противоположение: он утверждает себя как сущностное и выстраивает другого как несущностное, как объект.

Вот только другое сознание обращает к нему обоюдные притязания: уроженец данной страны, отправившись путешествовать, потрясенно замечает, что в соседних странах есть местные уроженцы и они смотрят на него как на чужака; между деревнями, кланами, нациями, классами ведутся войны и потлачи, заключаются сделки и договоры — разные формы борьбы, благодаря которым понятие *Другого* перестает быть абсолютным и обнаруживает свою относительность; отдельным индивидам и группам волей-неволей приходится признать обоюдность своих отношений. Почему же эта обоюдность не была заложена между полами, почему один член оппозиции утвердился как единственно сущностный, отвергая всякую свою относительность применительно к корреляту и определяя его как чистую инаковость? Почему женщины не оспаривают главенства мужчин? Ни один субъект не полагает себя несущностным просто так и сразу; не Другой, определяя себя как Другого, определяет Одного, но Один, полагаящий себя как Одного, полагает Другого. Но чтобы перехода Другого в Одного не происходило, Другой должен покориться чужой точке зрения. Откуда в женщине эта покорность?

Существуют и иные примеры того, как на протяжении более или менее долгого времени одной категории удавалось сохранять абсолютное господство над другой. Часто подобное преимущество было обусловлено численным неравенством: большинство навязывает меньшинству свой закон или подвергает его гонениям. Но женщины, в отличие от негров в Америке или

евреев, не являются меньшинством: женщин на земле столько же, сколько и мужчин. Часто бывает так, что две группы, о которых идет речь, были сперва независимыми: либо раньше не ведали друг о друге, либо каждая признавала автономию другой; а в результате какого-либо исторического события более слабый оказался в подчинении у более сильного: еврейская диаспора, введение рабства в Америке, колониальные захваты — все это факты, имеющие датировку. В таких случаях у угнетенных было некое *прежде*: они имеют общее прошлое, традицию, иногда религию, культуру. В этом смысле будет вполне обоснованным предложенное Бабелем сближение женщин с пролетариатом: пролетарии тоже не являются численным меньшинством и никогда не составляли отдельной общности. Однако их существование как класса объясняется пусть и не *одним* каким-то событием, но историческим развитием, которое и обуславливает отнесение *этих* индивидов к этому классу. Пролетарии были не всегда — а женщины всегда; они женщины по своему физиологическому строению; и от самого начала истории они всегда были подчинены мужчине: их зависимое положение — не следствие некоего события или развития, оно не *случилось*. Инаковость в данном случае выглядит абсолютот отчасти потому, что она лишена акцидентальности исторического факта. Ситуация, сложившаяся с течением времени, может через какое-то время исчезнуть: это убедительно доказали, например, негры Гаити; природный же удел, напротив, представляется неизменным. На самом деле природа незыблема не в большей мере, чем историческая реальность. И если женщина видит себя как несущностное, которое никогда не превращается в сущностное, то лишь потому, что она сама не производит этого превращения. Пролетарии говорят «мы». Негры тоже. Полагая себя как субъектов, они делают буржуазию и белых людей «другими». Женщи-

ны не говорят «мы» — разве что на каких-нибудь съездах, то есть в рамках абстрактных демонстраций; мужчины говорят «женщины», и женщины обозначают самих себя теми же словами; они не полагают себя как подлинного субъекта. Пролетарии совершили революцию в России, негры на Гаити, жители Индокитая борются на своем полуострове — а действия женщин всегда сводились к одной символической суете; они добились лишь того, что мужчины сообразовали им уступить; они ничего не взяли сами, только получили¹. Дело в том, что у них нет конкретных средств, чтобы объединиться в некое целое, которое полагало бы себя через противоположение. У них нет своего прошлого, своей истории, религии; у них нет трудовой солидарности и общих интересов, как у пролетариев; они лишены даже той пространственной скученности, какая спланирует в сообщество американских негров, евреев гетто, рабочих Сен-Дени или заводов «Рено». Они рассеяны среди мужчин и теснее связаны жильем, работой, экономическими интересами, общественным положением с определенными мужчинами — отцом или мужем, — чем с другими женщинами. Жены буржуа солидарны с буржуа, а не с женами пролетариев; белые женщины — с белыми мужчинами, а не с черными женщинами. Пролетариат может поставить себе целью истребить правящий класс; какой-нибудь фанатичный иудей или негр может мечтать завладеть секретом атомной бомбы, чтобы оставить от человечества одних евреев или негров; но женщина даже во сне не может перебить всех мужчин. Связь между ней и ее угнетателями не сопоставима ни с какой другой. В самом деле, разделение полов есть биологический факт, а не момент в истории человечества. Их противоположность обозначилась в рамках изначального *mitsein* и не нару-

---

¹ См. часть вторую, главу V.

шила его. Пара — это основополагающая единица, половины которой прикованы друг к другу: расслоение общества по признаку пола невозможно. Именно в этом и состоит главная характеристика женщины: она — Другой внутри единого целого, оба члена которого необходимы друг другу.

По идее, подобная обоюдность могла бы облегчить ее освобождение; когда Геркулес прядет шерсть у ног Омфалы, он скован желанием — так почему же Омфале не удалось надолго захватить над ним власть? Медея, чтобы отомстить Ясону, убивает своих детей: эта дикая легенда наводит на мысль, что женщина через свою связь с ребенком могла бы приобрести устрашающее влияние. Аристофан в «Лисистрате» изобразил забавное собрание женщин, попытавшихся сообща использовать в общественных целях потребность, которую испытывают в них мужчины, — но это всего лишь комедия. Легенда гласит, что похищенные сабинянки упорно противились желаниям похитителей, но что мужчины волшебным образом одолели их сопротивление, отхлестав их кожаными ремнями. Биологическая потребность, ставящая самца в зависимость от самки — сексуальное желание и желание иметь потомство, — не дала женщине социального освобождения. Хозяин и раб тоже связаны обоюдной экономической потребностью, которая не дает свободы рабу. Ведь хозяин в отношении к рабу не *полагает* своей потребности в другом; он властен удовлетворять эту потребность и никак ее не опосредует; раб же, в силу своей зависимости, надежды или страха, напротив, интериоризирует потребность в хозяине; потребность, даже если она одинаково насущна для обоих, всегда играет на руку угнетателю против угнетенного — именно поэтому, к примеру, так медленно шло освобождение рабочего класса. А женщина всегда находилась если не в рабстве, то по крайней мере в вассальной зависимости

от мужчины; мир никогда не принадлежал на равных обоим полам; и хотя сегодня положение женщины постепенно меняется, оно по-прежнему остается глубоко ущербным. Почти во всех странах закон не наделяет ее равным с мужчиной статусом, а зачастую и существенно поражает в правах. И даже когда ее права теоретически признаются, они в силу долгой привычки не получают конкретного воплощения в нравах. С экономической точки зрения мужчины и женщины — это почти две касты; при прочих равных условиях мужчины имеют более выгодное положение, более высокую зарплату, большие шансы на успех, чем их свежее испеченные конкурентки; они занимают гораздо больше мест в промышленности, в политике и т. д., причем находятся на самых важных постах. Помимо конкретных полномочий, они облечены еще и авторитетом, который поддерживается всей традицией воспитания детей: настоящее включает в себя прошлое, а в прошлом историю творили исключительно мужчины. В момент, когда женщины начинают участвовать в освоении мира, этот мир еще по-прежнему принадлежит мужчинам; мужчины в этом не сомневаются, а женщины почти не сомневаются. Отказаться быть Другим, отказаться быть пособницей мужчины значило бы для них отречься от всех преимуществ союза с высшей кастой. Мужчины-сюзерен гарантирует женщине-леннику материальную защищенность и возьмет на себя оправдание ее существования: она избегает не только экономического риска, но и метафизического риска свободы, ставящей себе цели без посторонней помощи. В самом деле, в любом индивиде, наряду с притязанием утвердить себя как субъекта — притязанием этическим, — живет и искушение избегать свободы и сделать себя вещь: это пагубный путь, ибо пассивный, отчужденный, потерянный индивид оказывается во власти чужих воль, отрезанным от своей трансцендентности, утратившим

всякую ценность. Но это легкий путь: тем самым он избегает тревоги и напряжения подлинного существования. То есть мужчина, конституирующий женщину как *Другого*, встретит в ней глубокое понимание и соучастие. И так, женщина не отстаивает себя как субъекта потому, что не имеет для этого конкретных средств, потому, что переживает необходимую связь с мужчиной, не полагая ее обоюдной, и потому, что нередко находит удовольствие в своей роли *Другого*.

Но сразу же встает вопрос: а как началась вся эта история? Понятно, что дуализм полов, как и всякий дуализм, выразился в некоем конфликте. Понятно, что если один из участников конфликта заставил признать свое превосходство, то это превосходство неизбежно закрепилось как абсолютное. Непонятно только, почему именно мужчина изначально взял верх. Женщины, по-видимому, тоже могли бы одержать победу; или борьба могла бы вестись вечно. Почему же этот мир всегда принадлежал мужчинам и только сегодня положение вещей начинает меняться? И во благо ли эта перемена? Приведет ли она к тому, что мужчины и женщины поделят мир поровну, или нет?

Вопросы эти отнюдь не новы; на них уже дано немалое число ответов; но именно тот факт, что женщина — это Другой, опровергает все оправдания, когда-либо предложенные по этому поводу мужчинами: они слишком явно продиктованы их корыстным интересом. «Все, что написано мужчинами о женщинах, должно быть поставлено под сомнение, ибо мужчина — одновременно и судья, и сторона в процессе», — сказал в XVII веке Пулен де ля Барр, малоизвестный феминист. Везде и во все времена мужчины во всеуслышание объявляли о том, как они довольны чувствовать себя венцами творения. «Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь вселенной, не сотворивший меня женщиной», — говорят иудеи на утренней молитве, тогда как их супруги

смирненно шепчут: «Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь вселенной, создавший меня по воле Своей». Среди благодетелей, за которые Платон благодарил богов, первым было то, что они создали его свободным, а не рабом, вторым — что он мужчина, а не женщина. Но мужчины не могли бы в полной мере пользоваться этой привилегией, если бы не считали ее основанной в абсолютном и вечном: свое превосходство они попытались перенести в право. «Поскольку составителями законов и сводов законов были мужчины, они обернули их к пользе своего пола, а юристы превратили законы в принципы», — пишет тот же Пулен де ля Барр. Законодатели, священники, философы, писатели, ученые наперебой доказывали, что подчиненное положение женщины угодно Небесам и полезно на земле. Выдуманные мужчинами религии отражают эту волю к господству: их оружием стали легенды о Еве, о Пандоре. Как явствует из приведенных нами цитат Аристотеля и Фомы Аквинского, они поставили себе на службу философию и теологию. Со времен Античности сатирики и моралисты с удовольствием живописали женские слабости. Известно, какие страстные обвинения выдвигались против них во французской литературе на протяжении всей ее истории: Монтерлан продолжает традицию Жана де Мёна, хоть и с меньшим воодушевлением. Порой эта враждебность выглядит обоснованной, часто беспричинной; на самом деле за ней кроется более или менее ловко замаскированное стремление оправдать себя. «Гораздо легче обвинить один пол, нежели извинить другой», — сказал Монтень. В некоторых случаях процесс самооправдания очевиден. Поразительно, к примеру, как римское право, ограничивая права женщины, ссылается на «глупость и легкомыслие женского пола» именно тогда, когда в результате ослабления семьи женщина начинает представлять опасность

для наследников мужского пола. Поразительно, как в XVI веке, чтобы удержать замужнюю женщину под опекой, ссылались на авторитет святого Августина, говорившего, что «женщина — тварь хилая и ненадежная», тогда как за незамужней признавалось право распоряжаться своим имуществом. Монтень прекрасно понимал произвол и несправедливость назначенного женщинам удела: «Женщины нисколько не виноваты в том, что порою отказываются подчиняться правилам поведения, установленным для них обществом, — ведь эти правила сочинили мужчины, и притом без всякого участия женщин. Вот почему у них с нами естественны и неминуемы раздоры и распри», но до того, чтобы стать их защитником, он не доходит. Только в XVIII веке люди глубоких демократических убеждений рассматривают этот вопрос объективно. Среди прочих Дидро неустанно стремится доказать, что женщина — такой же человек, как и мужчина. Чуть позже ее пылко защищает Стюарт Милль. Но эти философы исключительно беспристрастны. В XIX веке спор о феминизме снова становится спором сторонников и противников; одним из следствий промышленной революции стало участие женщины в производительном труде: с этого момента феминистские требования выходят из области теории и обретают экономические основания; это еще сильнее ожесточает их противников; хотя господство земельной собственности уже пошатнулось, буржуазия цепляется за старую мораль, согласно которой прочная семья служит гарантией частной собственности: чем реальнее становится угроза женской эмансипации, тем настойчивее женщину отправляют к домашнему очагу; даже внутри рабочего класса мужчины пытались затормозить освобождение женщин, потому что видели в них опасных конкуренток, тем более что те привыкли работать за низкую зарплату. Доказывая неполноцен-

ность женщины, антифеминисты пустили в ход уже не только религию, философию и теологию, как прежде, но и науку — биологию, экспериментальную психологию и т. д. За *другим* полом соглашались признать разве что «равенство в различии». Эта популярная формула весьма показательна: именно ее используют по отношению к американским неграм в системе джимкроуизма; но подобная, так сказать эгалитарная, сегрегация повлекла за собой только предельные формы дискриминации. Совпадение вовсе не случайное: механизм самооправдания по отношению к низшей расе, касте, классу или полу всегда один и тот же. «Вечная женственность» — эквивалент «негритянской души» и «еврейского характера». Правда, еврейская проблема в целом сильно отличается от двух других: еврей для антисемита не столько низжестоящий, сколько враг, и в этом мире за ним не признается вообще никакого места; скорее его хотят уничтожить. Но между положением женщин и положением негров есть глубокие аналогии: и те и другие сегодня освобождаются от одного и того же патернализма, а прежняя правящая каста хочет поставить их обратно «на свое место», то есть на то место, какое она им отвела; в обоих случаях она рассыпается в более или менее искренних похвалах добродетелям «хорошего негра» с его неразумной, детской, веселой душой — смиренного негра — и «настоящей женщины», то есть женщины легкомысленной, инфантильной, безответственной — покорной мужчине. В обоих случаях аргументы она черпает в созданном ею же положении вещей. Известна шутка Бернарда Шоу: «Белый американец, по сути, вынуждает негра чистить сапоги, а потом делает из этого вывод, что тот ни на что не годится, кроме как чистить сапоги». Тот же порочный круг мы обнаруживаем во всех аналогичных обстоятельствах: когда индивида (или группу индивидов) держат за низшего, значит он и *есть* низший; но нужно условиться

о значении глагола *быть*; подмена в том, что ему придают субстанциальное значение, тогда как он имеет гегелевский динамический смысл: *быть* — это стать, это быть сделанным таким, каким мы являем себя; да, сегодня женщины в целом *суть* низшие существа по сравнению с мужчинами, то есть их положение открывает перед ними меньше возможностей; вопрос в том, суждено ли такому положению вещей длиться вечно.

Многие мужчины желают этого: не все еще сложили оружие. Консервативная буржуазия по-прежнему видит в эмансипации женщин угрозу своей морали и интересам. Некоторые представители мужского пола опасаются женской конкуренции. На днях один студент заявил в еженедельнике «Эбдо-Латэн»: «Любая студентка, получившая диплом врача или адвоката, *крадет* у нас место»; свои права на этот мир он сомнению не подвергал. Дело не только в экономических интересах. Угнетение еще и потому выгодно угнетателям, что самый ничтожный из них ощущает свое *превосходство*: «белый бедняк» с юга США утешается тем, что он не «грязный негр»; и более состоятельные белые люди ловко пользуются этой его спесью. Точно так же самый заурядный мужчина по сравнению с женщиной чувствует себя полубогом. Г-ну де Монтерлану было куда легче считать себя героем в противостоянии с женщинами (к тому же специально подобранными), чем когда ему пришлось вытягивать роль мужчины среди мужчин — роль, с которой многие женщины справились лучше его. Именно поэтому г-н Клод Мориак, как известно, восхитительно оригинальный мыслитель, мог¹ написать о женщинах в одной из своих статей в «Фигаро литерер» за сентябрь 1948 года: «*Мы* слушаем самую блестящую из них... с выражением (*sic!*) вежливого безразличия, прекрасно зная, что ее ум более или

---

¹ Или, по крайней мере, счел, что может.

менее ярко отражает *наши* идеи». Разумеется, собеседница г-на К. Мориака отражает не его личные идеи, поскольку за ним таковых не водится; что она отражает мужские идеи, вполне возможно: среди самих мужчин немало тех, кто считает чужие мнения своими; спрашивается, не лучше ли было бы для г-на К. Мориака побеседовать с хорошим отражением Декарта, Маркса, Жида, нежели с самим собой; но примечательно то, что благодаря двусмысленному «мы» он отождествляет себя с апостолом Павлом, Гегелем, Лениным, Ницше и с высоты их величия презрительно взирает на стадо женщин, дерзнувших говорить с ним на равных; честно говоря, я знаю немало женщин, у которых не хватило бы терпения слушать г-на Мориака с «вежливым безразличием».

Я остановилась на этом примере, потому что мужское простодушие проявляется здесь в обезоруживающей простоте. Есть много других, более тонких способов, которыми мужчины извлекают пользу из инаковости женщин. Для всех страдающих комплексом неполноценности это просто чудотворный бальзам: никто не относится к женщинам более надменно, агрессивно или презрительно, чем мужчина, не уверенный в своей мужественности. Те, кто не робеет себе подобных, куда охотнее признают женщину подобной себе; но даже им миф о Женщине как о Другом дорог по многим причинам¹; не стоит осуждать их за то, что они

---

¹ Показательна статья Мишеля Карружа на эту тему, вышедшая в 292-м номере «Кайе дю Сюд». Он с возмущением пишет: «Мы хотим, чтобы не было никаких мифов о женщине, а была одна лишь когорта кухарок, матрон, девиц легкого поведения, синих чулков, выполняющих функцию удовольствия или пользы!» То есть, по его мнению, у женщины нет существования-для-себя; он рассматривает лишь ее *функцию* в мужском мире. Ее финальность — в мужчине; тогда, конечно, можно предпочесть ее поэтическую «функцию» любой другой. Вопрос как раз в том, почему ее надо определять относительно мужчины.

не жертвуют с легким сердцем всеми извлекаемыми из него благами: они знают, что теряют, отказываясь от женщины своих мечтаний, и не знают, что принесет им женщина такой, какой она станет завтра. Нужно немалое самоотречение, чтобы отказаться полагать себя в качестве единственного и абсолютного субъекта. Впрочем, подавляющее большинство мужчин не формулируют открыто эти притязания. Они не *полагают* женщину как низшее существо — сейчас они слишком прониклись демократическими идеалами, чтобы не признавать всех людей равными. В лоне семьи женщина предстает мальчику, юноше столь же уважаемым членом общества, что и взрослые мужчины; позже он познает в желании и любви сопротивление, независимость желанной и любимой женщины; женившись, он уважает в жене супругу, мать, и в рамках конкретного опыта супружеской жизни она утверждает себя рядом с ним как свободного человека. Значит, он может убедить себя в том, что социальной иерархии полов больше нет и что в целом женщина, при всех различиях, равна ему. Поскольку он все же находит в ней некоторые слабости, главная из которых — отсутствие профессии, он относит их на счет природы. Пока он относится к женщине доброжелательно, как к партнеру, он мыслит в регистре абстрактного равенства; отмечая конкретное неравенство, он не *полагает* его. Но как только он вступает с ней в конфликт, ситуация становится обратной: он будет мыслить в регистре конкретного неравенства и на этом основании даже позволит себе отрицать абстрактное равенство¹. То есть многие мужчины почти чистосердечно утверждают, что жен-

---

¹ Например, мужчина заявляет, что его жену несколько не умаляет отсутствие специальности: домашнее хозяйство — не менее благородное занятие, и т. д. Но при первой же ссоре восклицает: «Без меня ты не смогла бы заработать себе на жизнь».

щины *суть* равные мужчине и требовать им нечего, и *одновременно* — что женщины никогда не будут равными мужчине и их требования напрасны. Дело в том, что мужчине трудно оценить крайнюю важность социальных дискриминаций, которые извне кажутся пустяками, но моральные и интеллектуальные последствия которых укоренились в женщине столь глубоко, что могут показаться вытекающими из ее изначальной природы¹. Как бы мужчина ни симпатизировал женщине, он никогда до конца не понимает ее конкретной ситуации. Так что не стоит верить мужчинам, когда они пытаются отстаивать привилегии, даже не осознавая их масштаба. Мы не дадим себя запугать множеством ожесточенных нападков на женский пол; не ключем на корыстные славословия в адрес «настоящей женщины»; не разделим восторгов мужчин по поводу ее удела, который они ни за что на свете не согласились бы разделить.

Однако аргументы феминисток тоже заслуживают не большего доверия: полемическая направленность нередко полностью их обесценивает. «Женский вопрос» оттого оказался столь беспредметным, что мужское высокомерие превратило его в перебранку, а когда люди бранятся, им уже не до строгих рассуждений. Все без устали старались доказать, что женщина выше, ниже или равна мужчине; она сотворена после Адама, ясно, что она — существо вторичное, говорили одни; наоборот, говорили другие, Адам был лишь черновиком, человек удался Богу в совершенстве, лишь когда Он создал Еву; ее мозг меньше — но относительно он больше; Христос воплотился в мужчине — может, это из смирения. Каждый аргумент немедленно вызывает к жизни контраргумент, и зачастую оба ложны. Чтобы

---

¹ Описанию именно этого процесса будет посвящен второй том нашей работы.

Оглавление

Введение	7
----------------	---

Часть первая УДЕЛ

ГЛАВА I. Данные биологии	33
ГЛАВА II. Точка зрения психоанализа	79
ГЛАВА III. Точка зрения исторического материализма	99

Часть вторая ИСТОРИЯ

ГЛАВА I	113
ГЛАВА II	121
ГЛАВА III	144
ГЛАВА IV	167
ГЛАВА V	200

Часть третья МИФЫ

ГЛАВА I	255
ГЛАВА II	346
I. Монтерлан, или Хлеб отвращения.....	346
II. Лоуренс, или Фаллическая гордость	370
III. Клодель, или Служанка Господня	383
IV. Бретон, или Поэзия	397
V. Стендаль, или Романтика истинного	407
VI	422
ГЛАВА III	429